

Бетильмерзаева Марет Мусламовна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии,
политологии и социологии
Чеченского государственного
педагогического университета

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Аннотация:

Для достижения цели исследования – осуществления анализа онтологических оснований ментальности как социокультурного феномена – в статье поставлены и решены следующие задачи: 1) определить ментальность как феноменальное понятие и обосновать его онтологический статус, 2) выделить смысловые механизмы трансляции ментальности. Сделаны выводы, что сущность ментальности в первую очередь коренится в преходящей природе бытия, ментальность – феноменальное понятие, фиксирующее в себе единство noumenal и phenomenal бытия. Также выявлено, что смысловыми механизмами трансляции ментальности являются культ, миф, религия, традиция, язык, ценности, нормы, мода, физические факты (материальные вещи, процессы, явления).

Ключевые слова:

ментальность, феноменальное понятие, феноменальное и noumenal бытие, культурная матрица, культурные ячейки, смысловые механизмы.

Betilmerzaeva Maret Muslamovna

D.Phil. in Philosophy,
Professor, Philosophy, Political Science
and Sociology Department,
Chechen State Pedagogical University

ONTOLOGICAL BASES OF MENTALITY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Summary:

To meet the research objective – the analysis of ontological bases of mentality as a sociocultural phenomenon, the article sets and solves following problems: 1) to determine the mentality as a phenomenon concept and justify its ontological status; 2) to study semantic mechanisms of how the mentality is passed on. It is concluded that the essence of mentality is primarily rooted in the transitory nature of being, the mentality is a phenomenon concept embracing the unity of noumenal and phenomenal being. The author believes that the semantic mechanisms of the mentality passing on is cult, myth, religion, tradition, language, values, norms, fashion, physical facts (material things, processes, phenomena).

Keywords:

mentality, phenomenon concept, phenomenal and noumenal being, cultural matrix, cultural cells, meaning mechanisms.

Феномен «ментальность» является предметом исследования ученых разных областей науки. Актуальность дискурса о ментальности обусловлена современной ситуацией активного межкультурного взаимодействия, которая характеризуется расширением глобальной сети информации, миграционными процессами, требующими философских, социологических, психологических, в целом гуманитарных исследований. Понятие «ментальность» позволяет определить культурно-историческое своеобразие носителя, будь то отдельный индивид или любая иная социальная группа, чьи особенности фиксируются в их индивидуальной или коллективной, этнической или религиозной принадлежности.

Термин «ментальность» в своей современной трактовке зафиксирован намного позднее, чем начало исследования феномена, который им обозначается. Данное обстоятельство обуславливает проблему дефиниции ментальности и порождает множество версий соотносимости ментальности с различными понятиями.

В журнале «Социологический ежегодник», который издавался Э. Дюркгеймом, еще в конце XIX в. появилась рубрика «Групповая ментальность», что послужило введению данного слова в научный оборот. Как известно, Э. Дюркгейм первоначально выделял в человеке два вида сознания: индивидуальное и коллективное. Позднее «коллективное сознание» им было переименовано в «коллективные представления». С «коллективными представлениями» Э. Дюркгейма было сопряжено понятие «душевный строй» Г. Лебона, который из впечатлений, вынесенных им «из продолжительных путешествий по различным странам», отмечал, что «каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и его искусства» [1, с. 12].

Избегая соблазна назвать кого-то, кто первым ввел данное понятие в научный дискурс, необходимо отметить, что в начале XX в. понятие «ментальность» как неологизм нашло отражение в романе М. Пруста «У Германтов», 1921–1922 гг. («В поисках утраченного времени»). В комментариях героев романа мы слышим: «Никто не знает, что этим желают сказать», «Это нечто самоновейшее, как говорится, “последний крик”» [2, с. 280–281].

Принято считать, что в научный терминологический аппарат термин *mentalite* впервые ввел французский психолог и этнолог Л. Леви-Брюль в сочинении «Первобытное мышление». «Представления, называемые коллективными..., могут распознаваться по следующим признакам, присутствующим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения...» [3, с. 9].

Mentalite Леви-Брюля, «коллективные представления» Дюркгейма, «душевный строй» Лебона послужили интеллектуальной средой для французской школы «Анналов», одной из ведущих тем для которой на долгое время стало изучение истории ментальностей. Основоположниками нового научного направления – истории ментальностей – стали М. Блок и Л. Февр – ученики Л. Леви-Брюля и Э. Дюркгейма.

Становление ментальности в собственном смысле относится ко времени зарождения «новой исторической науки» – французской историографической школы «Анналов», которая ввела понятие в активное применение. Сами представители новой школы, например Ж. Дюби, писали, что «изучение поведения людей отнюдь не является новшеством, родившимся в недрах школы “Анналов”. Интерес к человеческой психологии существовал у историков всегда» [4, с. 18]. Отправным тезисом «новой исторической науки» стало положение о том, что история, в отличие от естественно-научных дисциплин, занята поисками смыслов. Смыслы исторически изменчивы, а потому их можно понять, лишь изучая в контексте конкретной культуры.

Отечественный исследователь А.Я. Гуревич [5] отмечал, что, с точки зрения Л. Февра, в цивилизации воплощено единство различных сторон материальной и духовной жизни людей. Л. Февр подчеркивал качественные различия между цивилизациями: каждая из них на определенной стадии развития имеет свои неповторимые особенности, собственную систему мирозерцания. Чтобы понять сущность цивилизации и поведения принадлежавших к ней людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, познакомиться с их «мыслительным и чувственным инструментарием». Индивидуальное же видение мира, по Л. Февру, есть не более чем один из вариантов коллективного мирозерцания.

Наивно претендовать на понимание людей, не зная, как они себя чувствовали. «Прежде всего, по мнению М. Блока, необходимо по возможности изучить среду, в которой существовали люди: природные условия, средства коммуникации, обмен, состояние техники» [6, с. 96]. Поскольку же мир этот исторически изменчив, то изменчиво и сознание людей. Оно детерминировано всем строем общества, его культурой, системой ценностей, религией, обычаями, господствующими нравственными нормами. Человек – член социальной группы, которая в значительной мере моделирует его сознание и определяет его поступок. Личность, по Л. Февру, всегда такова, какой ее делает эпоха и общественная среда [7, с. 100]. Л. Февр занимал вопрос, каков должен быть метод исследования роли личности и ее мирозерцания, ее вклада в развитие общества. А.Я. Гуревич заключил, что «слово *mentalite*... это и “умонастроения”, и “мыслительные установки”, и “коллективное представление”, и “склад ума”. Но, вероятно, по мнению исследователей, понятие “видение мира” ближе передает тот смысл, который вкладывали Л. Февр и М. Блок в этот термин, применяя его к психологии людей минувших эпох» [8, с. 510]. Л. Февр превосходно понимал, что сознание и его психологическая вооруженность суть достояния индивида. Изменения в общественных отношениях трансформируют сознание людей, и вместе с тем само сознание есть компонент социальных отношений и потому не только отражает их движение, но и воздействует на него.

На стыке двух последних столетий выяснению природы ментальности посвящен целый ряд исследований ученых-гуманитариев, позволяющих определиться с истоками и логикой становления и развития данного феномена [9]. Ментальность обуславливает связи человека и общества, природы и общества, общества и индивида, биосферы и ноосферы, чувственно воспринимаемого и умопостигаемого. Социальная форма, как более высокая, складывается на основе биологической и включает последнюю, соответствующим образом преобразуя ее. В ходе развития биологическое сменяется социальным, но не устраняется. Оно продолжает развиваться в новых условиях, приобретая новую «жизнь».

Для исследования социальных и культурологических смыслов, отражающих феноменальность ментальности, весьма продуктивно проведение онтологической экспликации понятия. В плане онтологическом проблема ментальности сводится к проблеме определения места и роли исследуемого феномена в структуре бытия. Вследствие того, что ментальность есть социокультурный феномен, мы должны констатировать вторичный характер его бытия. Ментальность как феномен продуцируется в процессе взаимодействия человека с природной и социальной средой. Выделение ментальности как самостоятельного феномена материализует линию демар-

кации объективной и субъективной реальности, предоставляет исследователю возможность моделировать зону синтеза двух реальностей (объективной и субъективной) в 3D-формате, тем самым обнаруживая в ней смыслы, утраченные на невербализованной стадии.

Бытийная вторичность характера процессов, определяемых ментальностью, и позднее обнаружение содержательного потенциала данного феномена не должны препятствовать поиску более глубоких оснований ментальности. Онтологический характер проблемы ментальности требует дифференциации от бытия непреходящего существования преходящего, в рамках которого определимо место рассматриваемого нами понятия. Сущность ментальности в первую очередь коренится в преходящей природе бытия, в границах которого происходит обнаружение ее мыслительных образов. Здесь интересно обратить внимание на момент рождения понятия, на момент становления его феноменом и автоматической включенности его в феноменальное бытие, противостоящее ноуменальному. Ноуменальное бытие, или умопостигаемое, или «вещь в себе», предполагаемое нами а priori существующим, есть потенциальное «пространство» рождения мыслительных образов, обнаруживаемых человеческим сознанием в контексте востребованности. Осмысление ментальности в его соотносительности с аморфностью первоначального мысленного образа, пробудившего к жизни понятие «ментальность», имеет длительную историю и тем не менее до сих пор оставляет место для проблемного рассмотрения собственного содержания.

Если понятийная форма любого феномена отграничена от ноумена логикой явленности своего смысла, то ментальность представляет собой понятие – проводник от мира чувственно воспринимаемого в мир умопостигаемый. В данном контексте ментальность определяется как феномен [10, с. 98], то есть понятие, фиксирующее процесс, продуцируемый характером взаимодействия чувственно воспринимаемого, феноменального бытия и умопостигаемого, ноуменального бытия. Эта пограничность природы ментальности как феноменального понятия позволяет ей претендовать на вскрытие социокультурных оснований бытия человеческого общества.

Человеческое общество существует в специфических условиях, обусловивших становление и развитие индивидуального сознания и определяющих историческое многообразие человеческой культуры. Бытие человека во всех своих нюансах может быть представлено как единая культурная матрица, в которой нет ни ядра, ни периферии, ни столбцов, ни кругов, а есть глобальное информационное поле – подобие пчелиных сот – состоящее из культурных ячеек разных типов. В свою очередь, каждая культурная ячейка является культурной матрицей относительно своего составляющего. И так до бесконечности: от неорганического через органическое к социальному телу бытия и наоборот.

В структуре социокультурной матрицы смысловыми механизмами трансляции ментальности являются культ, миф, религия, традиция, язык, ценности, нормы, мода, физические факты (как то: материальные вещи, процессы, явления), которые, с одной стороны, презентуют ментальность, с другой, обуславливают ее природу.

Ссылки:

1. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
2. Пруст М. В поисках утраченного времени : в 3 т. М., 1972. Т. 3. (Зарубежный роман XX века).
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.
4. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
6. Там же. С. 96.
7. Февр Л. Бои за историю / отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 1991.
8. Там же. С. 510.
9. Гуревич А.Я. Указ. соч. ; Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998 ; Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. М., 1999 ; и др.
10. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Ростов н/Д., 2011.

References:

- Betilmerzaeva, MM 2011, *The mentality in the context of culture (philosophical and cultural analysis)*, Rostov-on-Don, (in Russian).
- Dodonov, RA 1998, *Ethnic mentality: the experience of the social and philosophical research*, Zaporozhye, (in Russian).
- Faivre, L 1991, *Battle for history*, Moscow, (in Russian).
- Gurevich, AY 1993, *Historical synthesis and the school "Annals"*, Moscow, (in Russian).
- Lebon, G 1995, *Psychology and the peoples of the masses*, St. Petersburg, (in Russian).
- Levy-Bruhl, L 1999, *Supernatural in primitive thinking*, Moscow, (in Russian).
- Proust, M 1972, *In Search of the Lost Time: 3 vols*, Moscow, vol. 3, *Foreign novel of the XX century*, (in Russian).
- Tarshis, EY 1999, *The mentality of the person: the approaches to the concept and formulation of research problems*, Moscow, (in Russian).
- The history of mentalities, historical anthropology. Foreign studies in reviews and abstracts* 1996, Moscow, (in Russian).